

Иоанн Златоуст

**Иже во святых отца нашего
Иоанна Златоустаго беседы на
евангелиста Матфея**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
3-67

Златоуст И.
3-67 Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго беседы на евангелиста Матфея
/ Иоанн Златоуст – М.: Книга по Требованию, 2026. – 593 с.

ISBN 978-5-519-87175-4

ISBN 978-5-519-87175-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Синаѣ, въ дымѣ и огнѣ исходящемъ отъ горы, при трубномъ звукѣ, среди громовъ и молній, по вшествіи Моисея въ самый мракъ. А въ Новомъ (Завѣтѣ) не такъ: не въ пустынѣ, не на горѣ, не среди дыма и тьмы, и мрака, и бури, а при началѣ дня, въ домѣ, когда всѣ сидѣли вмѣстѣ, все происходило въ глубокой тишинѣ. Ибо для людей грубыхъ и необузданныхъ нужны были чувственные поразительныя явленія, какъ-то пустыня, гора, дымъ, трубный звукъ и тому подобное; а людямъ болѣе возвышеннымъ, послушнымъ и ставшимъ выше чувственныхъ понятій, ни въ чемъ таковомъ не было нужды. Если и надъ Апостолами произошелъ шумъ; то это не для нихъ самихъ, а для находившихся тамъ Іудеевъ, для коихъ явились и огненные языки (Дѣян. II, 3). Ибо если и послѣ такихъ чудесныхъ явленій Іудеи говорили, что Апостолы *вѣномъ исполнены суть*: то тѣмъ паче начали бы говорить такъ, когда бы ничего подобнаго не видѣли. Притомъ въ Ветхомъ завѣтѣ Богъ сошелъ тогда, когда Моисей возшелъ (на гору) (Исход. XIX, 3). Здѣсь же Духъ (Святый) сошелъ тогда, какъ наше естество вознеслось на небо, или паче на самый Царскій престолъ. Если бы сей Духъ былъ ниже; то и явленія, сопровождавшія Его пришествіе, были бы менѣе велики и чудесны. Между тѣмъ скрижали новозавѣтныя гораздо превосходи́те ветхозавѣтныхъ, равно какъ и событія знаменитѣе. Ибо Апостолы не съ горы сошли, неся въ рукахъ каменные доски, подобно

Моисею: но обнося въ душахъ своихъ Духа, и заключая въ себѣ нѣкое сокровище и источникъ догматовъ, даровъ духовныхъ и всякихъ благъ, они проходили всюду, бывъ по благодати Божіей одушевленными книгами и законами. Такъ три тысячи, такъ пять тысячъ, такъ привлекли они всѣ народы земли потому, что самъ Богъ говорилъ языкомъ ихъ ко всѣмъ приходящимъ къ нимъ. Такъ и Матѳей, исполнившись Духа Божія, написалъ книгу, — Матѳей, оный мытарь: (я не стыжусь называть по (прежнему) промыслу какъ его, такъ и другихъ (Апостоловъ); потому что изъ сего наиболѣе открывается и сила благодати Святаго Духа, и ихъ собственная добродѣтель).

2. Книгу же свою Матѳей справедливо назвалъ Евангеліемъ. Ибо онъ всѣмъ, самимъ врагамъ, невѣждамъ и во тьмѣ сѣдящимъ возвѣщаетъ конецъ наказанія, отпущеніе грѣховъ, оправданіе, освященіе, искупленіе, усыновленіе, наслѣдіе небесъ и сродство Сыну Божію. Что можетъ сравниться съ симъ благовѣстіемъ? Богъ на землѣ, человѣкъ на небѣ; все въ соединеніи: Ангелы составили одинъ ликъ съ людьми и прочими вышними Силами. Очевидно стало, что древняя брань прекращена; что Божество примирилось съ нашимъ естествомъ, діаволь посрамленъ, злые духи прогнаны, смерть связана, рай отверстъ, проклятіе уничтожено, грѣхъ истребленъ, заблужденіе удалено, истина возвратилась, слово благочестія всюду сѣется и растетъ, жизнь небесная насаждена

не все все сказали, но иной то, а другой другое; то сие не должно возмущать тебя. Ибо если бы кто нибудь одинъ сказалъ все, то прочіе писатели были бы излишни. А если бы каждый изъ нихъ написалъ различное и новое противъ другихъ, то тогда не лзя было бы видѣть между ними согласія. Посему они хотя много говорили общаго, но каждый изъ нихъ выбиралъ для себя и особое,—дабы съ одной стороны не нашлось чего либо лишняго и брошеннаго безъ цѣли, а съ другой—очевидны были точныя доказательства истины повѣствованія.

3. Такъ Лука показываесть и причину, по коей онъ приступаетъ къ написанію Евангелія. *Да разумѣши*, говоритъ онъ (Оеофилу), *о нихже научился еси словесехъ, утвержде-* *ніе* (Лук. 1, 3): то есть, чтобы ты удосто- вѣрился въ томъ, чему часто былъ поучаемъ, и пребылъ въ сей увѣренности. Іоаннъ самъ не сказалъ причины, (побудившей его написать Евангеліе,) но, какъ говоритъ преданіе отъ отцевъ и до насъ дошедшее, и онъ не безъ причины началъ писать оное. Поелику три Евангелиста старались особенно изложить исторію воплощенія Іисуса Христа, и можно было опасаться, что ученіе о Божествѣ Его останется пераскрытымъ: то Іоаннъ, возбужденный Духомъ Христовымъ, наконецъ приступилъ къ написанію Евангелія. Это видно какъ изъ самой исторіи, такъ и изъ начала его Евангелія. Ибо онъ началъ не съ земнаго, какъ прочіе Евангелисты, а съ небеснаго, которое онъ

преимущественно имѣлъ въ виду, и для сего составилъ цѣлую книгу. Впрочемъ онъ не въ началѣ только, но и во всемъ Евангеліи возвышеннѣе прочихъ. Матѳей, какъ говорятъ, написалъ свое Евангеліе на Еврейскомъ языкѣ для увѣровавшихъ Іудеевъ, которые пришли къ нему и просили, чтобы онъ изложилъ имъ на письмѣ то, что говорилъ на словахъ. Маркъ сдѣлалъ тоже, по просьбѣ учениковъ своихъ въ Египтѣ. Посему Матѳей, пиша для Евреевъ, ничего болѣе не старался показать, какъ происхожденіе Іисуса Христа отъ Авраама и Давида; а Лука, который писалъ для всѣхъ вообще, возводитъ свое повѣствованіе далѣе, восходя даже до Адама. Тотъ начинаетъ прямо съ рожденія Іисуса Христа; ибо ничто не могло быть пріятнѣе для Іудея, какъ сказать ему, что Іисусъ Христосъ былъ потомокъ Авраама и Давида. А сей не такъ начинаеть свое Евангеліе: онъ упоминаетъ съ начала о многихъ другихъ событіяхъ, а потомъ уже переходитъ къ родословію. А что Евангелисты всѣ согласны между собою, сіе можно подтвердить свидѣтельствомъ цѣлой вселенной, принявшей писанія ихъ, и даже свидѣтельствомъ самыхъ враговъ истины. Ибо послѣ Евангелистовъ родились многія ереси, утверждавшія противное ихъ повѣствованіямъ; а иныя приняли все въ нихъ сказанное; а другія нѣкоторую часть въ оныхъ отдѣлили отъ прочихъ, и въ такомъ видѣ содержатъ у себя. Но если бы въ повѣствованіяхъ Евангелистовъ находилось

не всё все сказали, но иной то, а другой другое; то сіе не должно возмущать тебя. Ибо если бы кто нибудь одинъ сказалъ все, то прочіе писатели были бы излишни. А если бы каждый изъ нихъ написалъ различное и новое противъ другихъ, то тогда не лзя было бы видѣть между ними согласія. Посему они хотя много говорили общаго, но каждый изъ нихъ выбиралъ для себя и особое,—дабы съ одной стороны не нашлось чего либо лишняго и брошеннаго безъ цѣли, а съ другой—очевидны были точныя доказательства истины повѣствованія.

3. Такъ Лука показываетъ и причину, по коей онъ приступаетъ къ написанію Евангелія. *Да разумѣши*, говоритъ онъ (Ософилу), *о нижже научился еси словесѣхъ, утвержде- ніе* (Лук. I, 3): то есть, чтобы ты удосто- вѣрился въ томъ, чему часто былъ поучаемъ, и пребылъ въ сей увѣренности. Іоаннъ самъ не сказалъ причины, (побудившей его написать Евангеліе,) но, какъ говорить преданіе отъ отцевъ и до насъ дошедшее, и онъ не безъ при- чины началъ писать оное. Поелику три Еван- гелиста старались особенно изложить исторію воплощенія Іисуса Христа, и можно было опа- саться, что ученіе о Божествѣ Его останется нераскрытымъ: то Іоаннъ, возбужденный Ду- хомъ Христовымъ, наконецъ приступилъ къ написанію Евангелія. Это видно какъ изъ са- мой исторіи, такъ и изъ начала его Еванге- лія. Ибо онъ началъ не съ земнаго, какъ про- чіе Евангелисты, а съ небеснаго, которое онъ

преимущественно имѣлъ въ виду, и для сего составилъ цѣлую книгу. Впрочемъ онъ не въ началѣ только, но и во всемъ Евангеліи возвышеннѣе прочихъ. Матѳей, какъ говорятъ, написалъ свое Евангеліе на Еврейскомъ языкѣ для увѣровавшихъ Іудеевъ, которые пришли къ нему и просили, чтобы онъ изложилъ имъ на письмѣ то, что говорилъ на словахъ. Маркъ сдѣлалъ тоже, по просьбѣ учениковъ своихъ въ Египтѣ. Посему Матѳей, пиша для Евреевъ, ничего болѣе не старался показать, какъ происхожденіе Іисуса Христа отъ Авраама и Давида; а Лука, который писалъ для всѣхъ вообще, возводитъ свое повѣствованіе далѣе, восходя даже до Адама. Тотъ начинаетъ прямо съ рожденія Іисуса Христа; ибо ничто не могло быть пріятнѣе для Іудея, какъ сказать ему, что Іисусъ Христосъ былъ потомокъ Авраама и Давида. А сей не такъ начинаеть свое Евангеліе: онъ упоминаетъ съ начала о многихъ другихъ событіяхъ, а потомъ уже переходитъ къ родословію. А что Евангелисты всѣ согласны между собою, сіе можно подтвердить свидѣтельствомъ цѣлой вселенной, принявшей писанія ихъ, и даже свидѣтельствомъ самыхъ враговъ истины. Ибо послѣ Евангелистовъ родились многія ереси, утверждавшія противное ихъ повѣствованіямъ; а иныя принимали все въ нихъ сказанное; а другія нѣкоторую часть въ оныхъ отдѣлили отъ прочихъ, и въ такомъ видѣ содержатъ у себя. Но если бы въ повѣствованіяхъ Евангелистовъ наладилось

несогласіе, то тѣ еретики, которые утверждали противное онѣмъ, не приняли бы въ онѣхъ всего, а только ту часть, которая съ ихъ мнѣніями согласна: равно и тѣ, которые приняли только нѣкоторую часть, не стали бы спорить за оную; поколику въ повѣствованіи Евангелистовъ нѣтъ даже коммы, которая бы не обнаруживала яснѣйшимъ образомъ своего средства съ цѣлымъ составомъ онаго. Какъ если возмешь какую нибудь часть тѣла животнаго, то найдешь въ ней все, изъ чего состоитъ цѣлое животное, то есть, нервы, жилы, кости, артеріи, кровь, словомъ — всѣ существенныя части тѣла: тоже самое можно видѣть и въ Писаніи; каждая часть его повѣствованій имѣетъ очевидное средство съ цѣлымъ. Итакъ, еслибъ было въ нихъ разногласіе, то онѣ не были бы приняты, и самыя догматы давно бы уже рушились: *ибо всякое царство, сказано, раздѣльшееся на ся, не станетъ* (Марк. II, 17). Если же и есть въ нихъ разногласіе, то въ семъ самомъ обнаруживается ясно сила Духа (Святаго), убѣждающая людей, чтобы они, держась необходимаго и главнаго ученія, не соблазнялись симъ маловажнымъ несогласіемъ.

4. Что касается до мѣста, гдѣ каждый Евангелистъ писалъ, то намъ нѣтъ нужды входить о томъ въ большія розысканія. А что они не противорѣчили другъ другу, сіе мы постараемся показать въ продолженіи всего (настоящаго) толкованія. Обвиняя же ихъ за разногласіе, ты не иное что дѣлаешь, какъ

заставляешь ихъ говорить одинаковыми словами, и употреблять одинъ и тотъ же образъ выраженія. Я не говорю уже о томъ, что тѣ самыя, которые хвалились знаніемъ краснорѣчія и философіи, написавъ многія книги объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, не только разногласили между собою, но даже говорили совершенно противное одинъ другому; ибо иное дѣло говорить различное, другое — противное. Но о семъ я умалчиваю; ибо не имѣю нужды обличеніемъ ихъ неразумія оправдывать Евангелистовъ, и не хочу ложью подтверждать истину. Охотнѣе спросилъ бы я о томъ, какъ повѣрили разногласнымъ писаніямъ? Какъ онѣ одержали побѣду? Какъ заслужили удивленіе, вѣру и славу по всей вселенной тѣ, которые говорили противное одинъ другому, въ присутствіи многихъ свидѣтелей ихъ проповѣди, даже враговъ и противниковъ ихъ? Ибо они, написавши Евангелія, не скрыли ихъ въ одномъ какомъ нибудь углу, но всюду, на сушѣ и на морѣ, распространяли въ слухъ всѣхъ; онѣ читаемы были и въ присутствіи враговъ, также какъ и нынѣ, и ничто изъ сказаннаго въ нихъ никого не соблазняло. И весьма справедливо; ибо во всѣхъ все производила и совершала Божественная сила. Иначе, какъ мытарь, рыбарь и неученый могли такъ мудрствовать? Ибо чего никогда мудрецы міра сего и во снѣ не могли представить, то Апостолы съ великою увѣренностію и убѣдительностію возвѣщаютъ не при жизни только своей, но и по смерти,—не двумъ,

не двадцати человѣкамъ, не сотнѣ и не тысячѣ, и не десяти тысячамъ, но городамъ, племенамъ, народамъ, на сушѣ и морѣ, Грекамъ и Варварамъ, на обитаемой землѣ и въ пустыняхъ—возвѣщаютъ ученіе превышающее наше естество. Ибо оставивъ землю, они говорятъ все о небесномъ, предлагая намъ другую жизнь и иной образъ жизни, иное богатство и иную бѣдность, иную свободу и иное рабство, иную жизнь и иную смерть, другой міръ и другое общество, все инаковое,—не такъ, какъ Платонъ, составившій оную смѣшную республику, Зенонъ или другой кто, начертавшій образецъ общества и написавшій ему законы; тѣмъ мудрецы сіи показали, что злой духъ, нѣкій жестокій демонъ, противникъ нашего естества, врагъ чистоты и непріятель благоустройства, смѣшавъ все высокое и низкое, говорилъ въ ихъ душахъ. Ибо что иное можно о нихъ сказать, когда они предписывали имѣть женъ общими, выводить на показъ обнаженныхъ дѣвицъ во время ристалищъ, тайно вступать въ бракъ; когда они смѣшали и превратили все, и извратили предѣлы самой природы? Что все сіе 4
есть изобрѣтеніе демоновъ, и противно природѣ, это доказываетъ сама природа, которая не терпитъ ничего такого. И они писали о семъ не опасаясь никакихъ гоненій, ни опасностей, ни браней, но со всею безопасностію и свободою, и часто употребляли многія прикрасы. Напротивъ то, что возвѣщали рыбаки, гонимые, мучимые, находившіеся въ опасности

жизни, со всею охотою принимали всё—простые и мудрые, рабы и свободные, цари и воины, Варвары и Греки.

5. И ты не можешь сказать, что ихъ ученіе охотно принято было всёми потому, что оно маловажно и низко; ибо оно несравненно возвышеннѣе ученія **Философовъ**. Тѣ и во снѣ не могли представить даже имени дѣвства, безкорыстія, воздержанія или другой какойнибудь добродѣтели. А наши учителя не похоть только искореняють, не дѣйствіе только (беззаконное) подвергаютъ наказанію, но и безстыдный взглядъ, оскорбительныя слова, неумѣренный смѣхъ, одежду, постанъ, крикъ, и даже на самое малѣйшее простирають свое вниманіе. Такимъ образомъ они во всей вселенной насадили сѣмена дѣвства. А о Богѣ и о вещахъ небесныхъ они внушаютъ такія понятія, какія никому изъ **Философовъ** и на умъ никогда не приходили. Ибо какъ могли имѣть такія понятія тѣ, которые боготворили изображенія звѣрей, пресмыкающихся животныхъ и другихъ низкихъ тварей? И однакожъ такое возвышенное ученіе Апостоловъ всёми принято, заслужило вѣру, ежедневно процвѣтаетъ и возрастаетъ. Напротивъ ученіе **Философовъ** окончилось, погибло, исчезло легче паутины. И весьма справедливо; ибо сего проповѣдывали демоны! По сей же причинѣ, сверхъ безправственности, примѣчается въ немъ большая темнота и величайшая трудность для понятія. Что можетъ быть смѣшнѣе того образа